

АНТРОПОЛОГИЯ

Боргоякова Т. Г.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХАКАССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

Анализ динамики хакасского языкового сознания за последние 15 лет позволил выявить усиление позитивной направленности ценностных доминант в восприятии стимула *kizi* «человек», которое представлено в синтагматических моделях морально-нравственной, интеллектуальной и внешней оценки человека. Заметный рост парадигматической схемы ассоциирования в структуре современных ассоциативных полей *туган* «родственник», *аал* «место традиционного проживания хакасов», *аалчы* «гость», *ахча* «деньги» связан с изменениями в психолингвистической категоризации социального пространства человека. Динамика и сохранность в хакасском языковом сознании традиционных этнокультурных представлений, ценностной значимости семьи и родственных связей, места рождения и родины в значении исторической земли предков коррелируют с процессами адаптации к современным динамичным социально-экономическим реалиям.

Ключевые слова: хакасский язык, хакасское языковое сознание, психолингвистическое значение, ассоциативное поле, аксиологическое значение.

Человек остается на вершине иерархии важнейших ценностей при осмыслении и оценивании жизни и окружающего мира. Анализируя специфику аксиологической интерпретации, Е. Ф. Серебренникова отмечает, что она, в отличие от интерпретации вообще, предполагает анализ как глубинных пластов содержания через *ценностные отношения, ценностные ориентировки*, так и многоуровневых языковых средств «функциональной семантики оценки» (Е. М. Вольф) (Серебренникова Е. Ф., 2011: 26). В основе ценностной картины мира выделяются четыре положения, в которых представлены общечеловеческие и специфические части с различными видами номинативной плотности в совокупности ценностных доминант, образующих определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик, 2002).

Выход на более углубленное понимание национальной специфики различных типов культуры возможен через анализ «продуктов перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов», отображенных в *психологической структуре значения*, выводящих в «необъятную систему знаний, переживаний, связей и отношений», подчеркивается в (Залевская, 2007: 271). Признанным и эффективным способом доступа к психологической структуре значения является психолингвистический эксперимент. Получаемое ассоциативное поле того или иного слова-стимула является фрагментом «образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» (Уфимцева, 2011: 208).

По мнению ученых, именно в этнической обусловленности ценностных доминант и культурных стереотипов в языковом сознании носителей того или иного языка коренятся истоки конфликтов непонимания или неполного понимания в межкультурной коммуникации (Леонтьев, 1993; Тарасов, 2003; Уфимцева, 2005; Дмитрюк, Байгутова, Мезенцева, 2015).

Цель данной статьи: выявить константы и динамику в аксиологической составляющей репрезентации образа человека и его социального окружения в хакасском языковом сознании. Материалом послужили хакасские ассоциативные поля (далее АП), сформированные в разные временные отрезки – в 2000 г. (далее АП-1) и в 2015–2017 гг. (далее АП-2). Хакасские АП-1,

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ (Проект №15-04-00156).

полученные А. П. Боргояковой составили основу прямого и обратного ассоциативных словарей, на базе которых было сконструировано ядро хакасского языкового сознания (далее ЯС) с опорой на опыт создания ядра английского ЯС А. А. Залевской и русского ЯС Н. В. Уфимцевой (Боргоякова, 2003). Создание рукописного фонда ассоциативных словарей хакасского языка стало основой для развития исследований хакасского ЯС с привлечением материалов других языков (см. н-р: Топоева, 2011; Боргоякова, Пелевина, 2012; Боргоякова, Покоякова, 2015; Покоякова, 2017).

Важность изучения констант и трансформаций в содержании и структуре хакасского ЯС обусловлена заметным сокращением количества активных хакасско-русских билингвов. Исследования ЯС с привлечением в качестве респондентов билингвов, владеющих родным языком, и русскоязычных монолингвов, утративших его в результате языкового смещения, выявили изменения в образах сознания второй группы. Их ЯС включает заимствования из русской культуры и русского образа мира при лишь частичном сохранении отдельных фрагментов хакасского образа мира (Боргоякова, 2003: 74). Поэтому в данной работе мы используем АП-1 и АП-2, сформированные реакциями респондентов, свободно владеющих хакасским языком.

В ядре хакасского ЯС первое место занимает *кiзi* 'человек' (Там же: 51–52). Анализ стратегий ассоциирования данного ключевого для хакасского ЯС слова-стимула выявил усиление позитивной направленности ценностного восприятия образа человека в прошедший пятнадцатилетний период. Прежде всего, это касается следующих частотных синтагматических моделей ассоциирования в семантической зоне «Качество» (далее СЗ), в которых представлены:

а) *Характеристика внутренних качеств человека.* Данная ассоциативная группа составляет 26% в АП-2 (АП-1 – 14%). В АП-1 человек представлен спокойным, добрым, приветливым и выдержанным: *амыр* (5), *паарсах*, *чалахай*, *аллыг iстiлiг* (3), а также смелым и сильным: *айдас*, *кiстiг*. В АП-2 в дополнение к *айдас* «смелый», *чалахай* «приветливый» (3) появились частотные реакции с более общей семантикой: *чახсы* (13) «хороший», *магат* (12) «замечательный».

б) *Оценка интеллекта человека.* Представленные в АП-2 11% ассоциат (АП-1 – 8,3%) включают кроме реакции *хыйга* «умный» такие варианты как: *сагыстыг* (3) «с мыслями», *сагынча* «думает», *хыйга поларга* «быть умным» и т.д. В АП-1 в данной группе кроме реакции *хыйга* встречается большее количество семантически сопряженных ассоциат: *кiлiк* (5) «смешливый», *пiлiстiг* «знающий», *йгредiглiг* «образованный» и др.

в) *Оценка внешнего облика человека.* В АП-2 данная стратегия представлена, прежде всего, параметрами возраста, роста и силы (*улуг* «старший», *пiзiк* «высокий», *кiстiг* «сильный» и др.), составляющими 6,5% (АП-1 – 4,3%). Внутри АП-2 количество синонимических реакций *сiлiг* (6) и *абахай* (3) «красивый» возрастает в три раза по сравнению с АП-1 (2 → 6%).

Следующая модель ассоциирования отражает сохранность архетипов хакасского традиционного образа жизни в рамках большой семьи с уважительным отношением к старшему поколению. Она представлена в обоих АП через группу «семейных» ассоциат с увеличением ее доли в АП-2 до 6% (АП-1 – 4%): *ич,ем* «мама», *улуг абам* «дедушка», *харындас* «брат», *хыс пала* «дочь», *пала* «ребенок» и др. В АП-1 семейный круг шире: *аба* «дедушка по отцовской линии» и *пабам* «отец», а также *ипчи(зи)* 'жена', *пала(зы)* 'ребенок', *хыс* 'дочь', *оол* 'сын'. Более активно в данном АП, используются маркеры принадлежности *зи/зы*, а также аффикс принадлежности для первого лица *-м* (см. об этом: Боргоякова, 2015). К наиболее частотным номинациям близкого круга социального пространства в обоих АП *кiзi* относятся синонимичные определения *туган* и *чагын* «родственник».

Статика и динамика в структуре АП стимула *туган* «родственник». Анализ лексикографических значений показывает полное совпадение семантики слова *туган* «родня, родственник» и второго значения полисеманта *чагын* «родственник», вытекающего из первого основного – «близкий, недалеко расположенный». Поэтому данные слова часто используются

и как отдельные слова синонимы, и как компоненты устойчивого термина *туган-чагын* (ХРС, 2006: 669, 917). Данная семантическая связь получила отражение и в составе обоих АП на слово-стимул *туган* при заметном росте почти на 20% в АП-2, составляя в нем доминанту в 60% (39% в АП-1). Сюда примыкают и другие ассоциации в виде ФЕ *хада төреен, хада сыхан, пір хан*, уточняющие близость родства – «родной брат / сестра» с буквальным значением «вместе родившийся», «вместе вышедший», «одна кровь».

Следующая линия ассоциирования стимула *туган* представлена номинациями видов родственных связей с увеличением их доли в АП-2 до 19% (АП-1 – 5%). Наиболее частотная реакция – *харындас* ‘брат’ (13 ассоциат в АП-2 и 12 в АП-1). Затем следуют такие термины родства, как: *пиче* (5) ‘старшая сестра’, (*хыс, оол*) *туңма* (3) «младшие (сестра, брат)», *ача(лар)* «дядя (по отцовской линии)», *ачам* (3) «дядя», *ичем* «мама», *паба* «отец», *тайым* «мой дядя по материнской линии», *ууча* «бабушка», почти половина их которых приведены с морфологическим маркером принадлежности «-м».

Доля реакций с четко выраженной позитивной оценкой родственных связей составила 7% в АП-2 слова-стимула *туган* (*өрніс* (3) ‘радость’, *чахсы* (2) ‘хорошо/хороший’, *үлүкүн* «праздник», *иң аарлыг* «самый дорогой», *аалчы* «гость», *поғдархас* «гордость», *чылыг* «теплый», *улуғ, илбек* «большой», *полыс* «помощь», *иптиг* «красивый, опрятный». В АП-1 их доля составляет 4% с примерно аналогичным составом реакций. Отличие состоит и в более выраженной экспликации эмоциональной привязанности (*паарсах* «ласковый, внимательный» (3), *паарсас* «ласка, внимание», *маарсирга* «проявлять внимание, нежность»).

В то же время в АП-2 наблюдается снижение доли реакций с позитивной оценкой большого количества родственников, которая составляет 3% в АП-2 (*көп* «много» (2), *көп ползын* «пусть будет много», *көп полбинча* «много не бывает») и 5% в АП-1 (*көп* (17), *толдыра* «полный, много» (3), *толдыра ползын* «пусть будет полно, много»). Практически не представленной в АП-2 оказалась ассоциация *кізі* «человек» (12% в АП-1), которую можно рассматривать и как компоненту словосочетания *туган кізі*.

Отмеченные выше изменения в структуре и содержании АП-2 привели к увеличению до 38% (27% в АП-1) доли парадигматических ассоциаций.

К пространству социального взаимодействия человека в АП *кізі* входят и понятия *аал* «село» и *аалчы* «гость», занимая ключевые позиции в объективации «неосознаваемых структур» национально-культурной специфики образа человека в хакасском ЯС.

Статика и динамика в структуре АП стимула аал и аалчы. Позитивно оценочное ассоциирование *аала* сохранилась в прежнем объеме (6%). Изменения коснулись содержательного наполнения АП-2, в котором появляются обобщающие реакции *чылыг* «теплый» и *чахсы* «хорошо/хороший». В состав АП-1 входят реакции *сіліг* «красивый» (15), *истіг* «красивый, уютный» (8), *арыг* ‘чистый’ (6). Из них в АП-2 сохраняется оценка *истіг* (3), прилагательное *арыг* «чистый» приводится как составная реакция в сочетании со словом *кии* (4) «воздух». Кроме того в АП-2 произошло существенное повышение доли когнитивных моделей локализации через ассоциирование *аала* с: а) домом/жилищем до 25% (3% в АП-1): *тура, чурт*; б) малой родиной, семьей и детством до 24% (6% в АП-1): *төреен* (11) «родился», *миниң* (4) «мой», *өскен чирім* (3) «моя земля, где рос», *чир-суум* (3) «моя родина», *төреен чирім* (2) «место, где родился», *сөбіре* (2) «семья», *иче-пабам* (2) «мои родители», *олган тузум* (2), «мое детство», *хынганым* (2) «любимое», *аргыстар* «друзья», *тадар аалы* «хакасское село», *истіг* «красивый», *чылыг* «теплый». Как видно из приведенных примеров подавляющее большинство реакций содержат притяжательные аффиксы, маркирующие позитивную личную причастность респондентов к ассоциативной линии второй подгруппы.

В то же время, практически вдвое (до 11%) сократилась доля реакций, представляющих модель пространственной ориентации, занимавшей первое место в АП-1 (21%). В АП-1 в нее вошли синтагматические реакции, отражающие детальную структуру пространства внутри и снаружи *аала*: рядом (*хыринда* (14), *хырии* (2)), снаружи и вокруг (*тастында* (7), *ибіре* (8)),

внутри (*истінде* (8), *исти* (4), *аразында* (5), *аразы* (5), *аразынча*, *арали*), посередине (*ортазында*), в начале (*пазы* (10), *пазында* (4), *пастында*, *устүнде*, *чогархы*), в нижней части и позади (*азагы* (2), *азагында*, *алтында*, *кистінде*), далеко, далекий (*ырах* (22)). Константы восприятия *аала* оказались связанными с оппозитивной характеристикой размера *аала* – *улуҕ/кичиҕ* ‘большой/маленький’, которая составляет в среднем 16 и 12% в АП-1 и АП-2 соответственно. Из приведенных выше более десяти маркеров пространства хакасского *аала* в АП-2 сохранились лишь реакции *ыраххы* (8) ‘дальний’ и *чогархы* (2) ‘верхний’. Но появились новые парадигматические ассоциации, отмечающие традиционное расположение *аала* в более широком географическом пространстве: *чазы* (2) ‘степь’, *суҕ* (*хыринда*) (2) ‘у реки’, *чир* (2) ‘земля’, *тайгы* ‘тайга’. Следует отметить, что в АП-2 полностью отсутствует продуктивная в АП-1 антонимическая реакция *город* (26). Можно предположить, что это связано с процессами активной урбанизации сельских хакасов.

В результате в АП-2 *аал* отмечается смена синтагматической схемы ассоциирования в пользу парадигматической, составившей 58% с ростом на 38% по сравнению с 20% в АП-1.

Следует отметить, что в АП *ада чиир-суу* «родина, отечество», которое будет рассмотрено ниже, усиливается обобщающая символизирующая роль *аала*: доля реакций, номинирующих *аал*, составляет 11% в АП-2 (3% в АП-1). В целом в АП *аал*, отсутствуют отрицательные ассоциации, которые составляют 19% в русском АП *деревня* (*захолустье*, *бедная*, *грязь*, *ужасная*, *жестокая* и др.) (СИБАС, 2008–2016).

Ассоциативные стратегии в структуре двух АП стимула *аалчы* «гость» оказались во многом сходными. Константы их содержания связаны с опорой на реакцию *кизи* «человек» в парадигматической модели ассоциирования, которая изменилась в сторону сокращения до 6,6% в АП-2, составляя 14% в АП-1. Особенностью АП-1 является заметное преобладание синтагматического типа реакций, составляющих две трети ее состава. *Аалчы* ассоциируется, прежде всего, с двумя базовыми глаголами: *поларга* «быть» и *килерге* «приходить». Они представлены в разных морфологических модификациях, составляя 20 и 16% соответственно, что в целом превышает треть всех реакций – 36%. На втором месте среди синтагматических ассоциатов находится группа прилагательных со значением позитивного восприятия гостя (18,5%): *аарлыг* (41) «дорогой», *аарлас* (16) «уважение, почтение», *улуҕ* (16) «важный», *улуҕлирга* (7), «уважать, оказывать почести», *магат* (7) «очень хороший», *чахсы* (5) «хороший», *хынган* (3) «любимый», *өринис* (9) «радость», *үлүкүн* «праздник», *той* «праздник, свадьба», *артых* «лучший», *чалахай* «приветливый» и др. Удельный вес данной группы в структуре АП-2 возрастает, достигая 30%, что на 11,5% превышает показатели АП-1. Следует отметить, что содержание ядерной части реакций в обоих АП остается практически неизменным при ведущей роли трех ассоциаций – *аарлыг*, *улуҕ*, *өринис*.

Существенное сокращение глаголов при сохранении заметной доли оценочных прилагательных в составе АП-2 определило характер изменений в соотношении синтагматических и парадигматических стратегий ассоциирования: произошло двукратное увеличение доли парадигматических реакций, составляющих 48% (АП-1 24%). Данный показатель уступает лишь АП-2 слова-стимула *аал*, в котором доля парадигматических реакций возросла на 38%, составив 58%.

Таким образом, позитивное восприятие обоих слов-стимулов является константной ассоциативной стратегией с ростом ее доли в АП-2. Заметное изменение ассоциативного портрета *аала* связано с трансформацией взгляда на него «изнутри» с детализацией пространственных маркеров местоположения человека на дистанцированный взгляд с усилением эмоционально «теплой» личной связи с малой родиной и детством человека, уже не проживающего там. Логичным представляется тогда исчезновение в АП-2 частотной в АП-1 антонимической реакции «город». Заметно – почти на 20% – возрастает позитивно эмоциональное отношение к гостю, который неизменно ассоциируется с уважительным отношением и радостью.

Важную роль в системе социальной и ценностной иерархии современного общества играют денежные отношения. Сравнительный анализ АП-1 и АП-2 слова-стимула *ахча* «деньги» выявил заметные изменения в аксиологической оценке денег в ЯС респондентов, связанные, прежде всего, с ростом позитивного отношения к деньгам, который составил 34,2% (АП-1 3,8%). В данной группе, выраженной преимущественно именами прилагательными или существительными, выделяются две основные линии: а) эмоциональная оценочность (*мағам* (18) «прекрасный/прекрасно», *өрніс* (13) «радость», *сіліг* (2) «красивый/красота», *часка* (2) «счастье», *ізеніс* «надежда»); б) корреляция с богатством (*пай* «богатый» (18), *көп* «много» (12), *ахчалыг* «денежный»). Богатству, выраженному в большом количестве денег, противопоставлена группа реакций, указывающая на их отсутствие или недостаток, доля которых осталась неизменной (*асхынах* (5) «мало», *чидіспинче* (2) «не хватает»).

В АП-1 ведущая стратегия ассоциирования носит деятельностный характер, выраженный глаголами, обозначающими действие и отношение. В целом данная модель составляет почти треть (27,6%) состава реакций. Действия направлены в большинстве случаев на получение денег *аларга* ((52) – 12%), а их отдача *тирерге* составляет почти в два раза меньше случаев реагирования ((20) – 5%), необходимость денег *кирек* «нужны» представлена (25) реакциями (6%), а их зарабатывание, выраженное реакциями *тоғынарға* «работать» (12), составило лишь 2,6%, их подсчет *санирға* – 2%. На втором месте в АП-1 находится переход размышлений от процесса получения денег к его количеству и наличию: *көп* «много» (22%) и *нар* «иметь» (27%). Противоположная по смыслу группа отсутствия или недостатка денег незначительна – *көмес* «немного» (3), *асхынах* «мало» (3), *чидіспес* «нехватка».

Нейтральная группа зрительно-тактильных реакций, обозначающих материал изготовления и виды денег и денежных знаков, занимает третье место ((35) – 8%): *алтын* «золото» (8), *тимір* «железо» (8), *чаңын* «бумага» (8), *салковай* «рубль» (5), *рублi* (2), *доллар*, *көк* «синий, зеленый», *ноған* «зеленый» (100), *он*, «десять», *пис* «пять», *пір миллион*, *оох* «мелочь», *наа* «новые» (3), *иргі* «старые» (2), *узун* «длинные», *ағас* «деревянные».

В группе реакций с дополнительными, преимущественно отрицательными, коннотациями (11%) кроме лидирующей метафорической ассоциации *суғ* «вода» (*сууч, ах* (2)) – 43 (9,5%) выявлены также такие образные параллели как: *уйат* «стыд», *хомай* «плохой», *ыырчы*, «враг», *хан* «кровь», *ардатча* «портит», *чазыт* «секрет». Антонимические положительные ассоциации составляют значительно меньшую долю (3,8%): *пай* «богатый» (7), *үлгү* (2) «власть», *өрніс* «радость» (2), *прай ниме* «все», *чахсы* «хороший», *аарлыг* «дорогой», *күс* «сила», *ис-пай* «богатство», *туза* «польза».

В АП-2 слова-стимула *ахча* динамичные изменения выражены иным рейтингом когнитивных доминант, с резким сокращением синтагматической линии глагольного ассоциирования. Первое место (50%) занимает макрогруппа реакций, связанных с использованием денег по их назначению – покупкой или приобретением и поддержкой с использованием наличных и иных видов денег и мест их хранения. По мнению респондентов, при помощи денег можно приобрести как предметы первой необходимости (*кип-азах* «одежда» (25), *чиис* «еда» (17)), так и совершить более серьезные покупки или вложения (*тура* «дом» (11), *машина* (5), *тынаныс* «отдых» (3), *хазых* «здоровье» (2), *үгренис* «учеба» (3), *бизнес*). Важное место занимает реакция *сөбіре* «семья» (15) в качестве объекта для финансовых расходов. Деньги могут олицетворять даже *чуртас* «жизнь» (10) часто в сочетании с эпитетами *мағам* «замечательная», *чахсы* «хорошая», *толдыра* «полная».

На втором месте в АП-2 группа реакций, отражающих средства, источник и место получения или хранения денег (41%). Здесь лидируют реакции *тоғыс* (20) «работа», *зарплата* (15), *кредит* (10), *стипендия* (9). Затем следуют ассоциации *банк* (5), *банковская карта* (3), *Минфин*, *пенсия*. Некоторые реалии, предложенные респондентами на русском языке, предлагаются без перевода.

Важный компонент ценностного конструирования социального пространства – *ада чир-суу* «родина». В хакасском языке данное значение представлено двумя устойчивыми словосочетаниями *ада чир-суу* и *пос чирі* (РХС, 1961: 757; ХРС, 2006: 969). Еще одно составное наименование родины *чурт-суз*, используемое, как правило, в форме принадлежности: *чурты-суу чох* «человек без родины» (ХРС, 2006: 1006). Аналогичное значение входит и в семантическую структуру полисеманта *чир* «земля». Таким образом, в первом приведенном случае формирование общего значения *родина* «развертывалось» от объединения базовых слов *чир* «земля» и *суз* «вода» к присоединению определений *ада* «отцовский» и *пос* «свой». При конструировании второй модели понятия «родина» *чурт-суз* (букв. жилище-вода) происходит замена компонента «земля» на «жилище». Мотивировочная история формирования единого значения, основанного на базовых понятиях «своей» земли, сохранилась в ассоциативной памяти носителей хакасского языка. Это проявляется в структуре и содержании АП *ада чир-суу*. Так, например, компонент *чир* «земля» как составной элемент или отдельное слово составляет 30% в структуре АП-2. Доля семантически связанных с землей «природных» реакций составляет 10% и включает такие ассоциаты как: *суз* «вода», *чазы* «степь», *чахаяхтар* «цветы, кўн *чахайах* «жарки», *агастар* «деревья», *кўн* «солнце», *арыглар* «рощи».

Реализация значения «своя земля» реализуется также в группе реакций, номинирующих малую родину – Хакасию (15%) и традиционное место проживания хакасов *аал* (7%). Следует отметить, что в СИБАС в АП *родина* реакция *земля* составляет лишь 2% и столько же ассоциаций, связанных с природными объектами – *поле, березки, степь, леса, деревья* – с единичным ассоциатом *деревня*.

Таким образом, в прошедший пятнадцатилетний период в хакасском ЯС произошло усиление позитивной направленности ценностных доминант и ориентиров в восприятии стимула *кizi* «человек» и его социального пространства. В психолингвистической организации и категоризации социального пространства современных хакасов, рассмотренного с учетом плотности и комбинаторики реакций в АП *кizi*, выявлено повышение ценностной значимости семьи и родственных связей, денег, места традиционного проживания хакасов *аала* и родины, понимаемой, прежде всего, как малая родина, представленной в генетической и исторической памяти как земля предков. Динамика и сохранность традиционных этнокультурных представлений выявила их ресурсный потенциал и корреляцию с необходимостью адаптации к динамичным современным социально-экономическим реалиям. Возможная корреляция полученных результатов с особенностями развития социолингвистической ситуации в статусе республики требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- Боргоякова А. П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). – М.: Советский писатель, 2003. – 152 с.
- Боргоякова Т. Г. Динамика восприятия стимула «жизнь» в хакасском языковом сознании // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2 (11). – С. 90–94.
- Боргоякова Т. Г., Пелевина Н. Н. Базовые ассоциативные стратегии репрезентации образа человека в ядре языкового сознания русских и хакасов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2012. – № 3 (14). – С. 25–27.
- Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Гендерный аспект ассоциативного исследования оппозиции «мужчина/женщина» в хакасском и русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): В 2-х ч. – Ч. 1. – С. 48–52.
- Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 2 (28). – С. 72–87.
- Дмитрюк Н. В., Байгутова Д. Н., Мезенцева Е. С. Отражение нравственных ценностей казахского этноса в зеркале свободного ассоциативного эксперимента // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 1 (23). – С. 159–171.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

- Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
- Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16–21.
- Покаякова К. А. Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина/женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: Сибирск. Федер. Ун-т, 2017. – 211 с.
- Русско-хакасский словарь / Под ред. Д. И. Чанкова. – М.: ГИИНС, 1961. – 968 с.
- Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7–26.
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2016) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко). – URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 26.06.2017).
- Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика анализа языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2003. – С. 7–22.
- Топоева А. О. Этнокультурная специфика прилагательных *сильный* – *слабый* в языковом сознании носителей английского, русского и хакасского языков: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. – 175 с.
- Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. – М.; Калуга: ИЯ РАН – Институт психологии РАН, 2005. – С. 205–217.
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Хакасско-русский словарь / Отв. ред. О. В. Субракова – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Боргоякова Т. Г., доктор филологических наук, профессор,
директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 90, Абакан, Республика Хакассия, Россия, 655017.

E-mail: tamarabee@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.07.2017

Borgoiakova T. G.

A PERSON AND HIS SOCIAL SPACE IN THE KHAKASS LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The paper is devoted to the study of transformations in the Khakass language consciousness over the past 15 years. The strengthening of the positive value dominants in the perception of the stimulus *kizi* "person", represented in the syntagmatic models of moral, intellectual and external evaluation of a person is identified. Noticeable growth of the paradigmatic scheme of association in the structure of associative fields *tugan* "relative", *aal* "Khakass village", *aalcy* "guest" is associated with changes in the psycholinguistic categorization of the social space of a person. The growth of the significance of family ties, birthplace, homeland in the Khakass language consciousness correlate with the process of adaptation to dynamic socio-economic realities.

Key words: *Khakass language, Khakass language consciousness, psycholinguistic meaning, associative field, axiological meaning.*

References

- Borgoiakova A. P. *Obraz mira v jazykovom soznanii etnosa (khakasy, russkie, anglichane)* [The image of the world in the linguistic consciousness of an ethnos (Khakass, Russians, Englishmen)]. – М.: Soviet writer, 2003. – 152 s. (in Russian)

- Borgoiakova T. G.* Dinamika vospriyatia stimuli zhizn v kahakasskom jazykovom soznanii [Dynamics of perception of the stimulus "life" in the Khakass language consciousness. North-Eastern Humanities Bulletin]. – 2015. – № 2 (11). – P. 90–94. (in Russian)
- Borgoiakova T. G., Pelevina N. N.* Базовые ассоциативные стратегии репрезентации образа человека в ядре языкового сознания русских и хакасов [Basic associative strategies for representing the image of a person in the core of the language consciousness of Russians and Khakass] // Philological Sciences. Issues in Theory and Praxis]. – Tambov: Izd-vo «Gramota», 2012. – № 3 (14). – P. 25–27. (in Russian)
- Borgoiakova T. G., Pokoyakova K. A.* Гендерный аспект ассоциативного исследования оппозиции "мужчина/ женщина" в хакасском и русском языковом сознании [Gender dimension of the associative research of the opposition "man / woman" in Khakass and Russian language consciousness] // Philological Sciences. Issues in Theory and Praxis] – Tambov: Gramota, 2015. – № 9 (51). – P. 48–52. (in Russian)
- Borgoiakova T. G., Pokoyakova K. A.* Antonomicheskie otnoshenia v assotsiativno-verbalnoi reprezentatzii nositeley khakasskogo, russkogo I angliiskogo jazykov [Antonimic relations in the associative-verbal representation of Khakass, Russian and English speakers // Issues in Psycholinguistics]. – M., 2016. – № 2 (28). – P. 72–87. (in Russian)
- Dmitryuk N. V., Baigutova D. N., Mezentseva E. S.* Otrazhenie npravstvennykh tsennostey kazakhskogo etnosa v zerkale svobodnogo assotsiativnogo eksperimeta [Reflection of moral values of the Kazakh ethnos in the mirror of a free associative experiment // Issues in Psycholinguistics]. – M., 2015. – № 1 (23). – P. 159–171. (in Russian)
- Zalevskaya A. A.* Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction onto Psycholinguistics]. – M.: Rossiisk. gos. gumanit. Un-t. 2007. – 560 s. (in Russian)
- Karasik V. I.* Kulturnye dominanty v jazyke [Cultural dominants in the language // Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse]. – Volgograd: Peremena, 2002. – P. 166–205. (in Russian)
- Leontjev A. A.* Jazykovoje soznanie I obraz mira [Language consciousness and the image of the world // Language and Cognition: paradoxical rationality]. – M., 1993. – P. 16–21. (in Russian)
- Pokoyakova K. A.* Etnokulturnyi I gendernyi aspekty reprezentatzii bonarnoy oppozitsii *muzhchina/zhenschina* v jazykovom soznanii nositeley khakasskogo, russkogo I angliiskogo jazykov [Ethnocultural and gender aspects of the representation of binary opposition *man / woman* in the language consciousness of Khakass, Russian and English native speakers]: dis. ... kand. filol. nauk: Sibirsk. Fed. Un-t. 2017. – 211 s. (in Russian)
- Russko-Khakasskii slovar [Russian-Khakass dictionary] / Pod red. D. I. Chankov. – M.: GNIINS, 1961. – 968 s. (in Russian)
- Serebrennikova E. F.* Aspekty axiologicheskogo lingvisticheskogo analiza [Aspects of axiological linguistic analysis. Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value senses] / Otv. red. L. G. Vikulova. – M.: TEZAVURUS, 2011. – P. 7–26. (in Russian)
- SIBAS – Russkaya regionalnaya assotsiativnaya baza dannyykh [Russian regional associative database] (2008 – 2016) (avtory-sostaviteli I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko). – URL: <http://adictru.nsu.ru> (in Russian)
- Tarasov E. F.* Mezhekulturnoye obszhenie – novaya ontologia jazykovogo soznania [Intercultural communication – new ontology of the analysis of language consciousness] // Ethnocultural specifics of analysis of linguistic cognition. Sb. st. / Otv. red. N. V. Ufimtseva. – M., 2003. – P. 7–22. (in Russian)
- Topoeva A. O.* Etnokulturnaya spetsifika prilagatel'nykh silnyi - slabyi v jazykovom soznanii nositeley angliiskogo, russkogo I khakasskofo jazykov [Ethnocultural specificity of adjectives strong - weak in the linguistic consciousness of native speakers of English, Russian and Khakass languages]: dis. ... kand. filol. nauk: Irkut. gos. lingvistich. un-t. Irkutsk, 2011. – 175 s. (in Russian)
- Ufimtseva N. V.* Arkheologia jazykovogo soznania: pervye rezultaty [Archeology of language consciousness: first results. Language. Cognition. Culture]. – M.; Kaluga: IJA RAN – Institut psikhologii RAN, 2005. – P. 205–217. (in Russian)
- Ufimtseva N. V.* Jazykovoje soznanie: dinamika I variativnost [Language consciousness: dynamics and variability]. – M., Kaluga: Institut jazykoznanija RAN, 2011. – 252 s. (in Russian)
- Khakassko-russkii slovar [Khakass-Russian dictionary] / Otv. red. O. V. Subrakova. – Novosibirsk: Izd-vo Nauka, 2006. – 1114 s. (in Russian)

Borgoiakova T. G., Professor, PhD,
Head of the Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology.
Katanov Khakass State University.
Ul. Lenina, 90, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.
E-mail: tamarabee@mail.ru